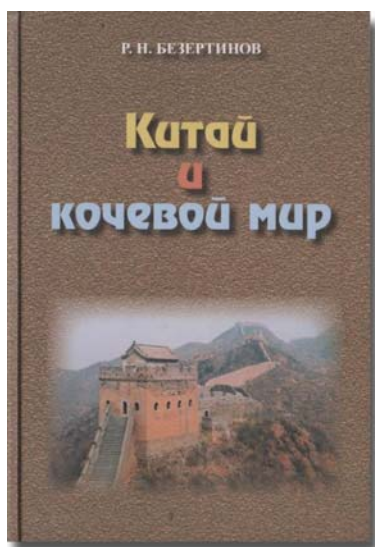

КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Н. В. Абаев¹

Рецензия на: Безертинов Р. Н. Китай и кочевой мир. 1500 лет до н.э. по 220 год н.э. Казань: Издательство «Слово», 2011. 208 с.

NOMADIC CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA AND CHINESE EMPIRE

N. V. Abaev

Review of a book: Bezertinov R.N. China and nomadic world. 1500 BC to 220 CE. Kazan: Slovo Publishing House, 2011 – 208 P.

Рафаель Нурудинович Безертинов — автор многих статей и монографий по проблемам тэнгрианства и «кочевой» государственности тюрко-монгольских народов, этногенеза тюрко-татаров и татаро-монголов Внутренней Азии, роли тэнгрианства в развитии духовной культуры Евразийской цивилизации.

В 1997 году была опубликована его книга «Татары, тюрки — потрясатели Вселенной» (История Великих Империй), в 2000 г. — книга «Тэнгрианство — религия тюрков и монголов», в 2005

¹ Абаев Николай Вячеславович — доктор исторических наук, почетный доктор буддийской философии, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, Заслуженный деятель науки Республики Тыва.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3803-abaev.html

г. — книга «Тюрко-татарские имена», в 2006 г. — учебное пособие «Древнетюркское мировоззрение тэнгрианство», в 2006 г. — книга «Вектор татарского направления».

В настоящей книге «Китай и кочевой мир» автор поставил перед собой следующие цели: 1) отразить историю Китая с 1500 лет до н.э. по 220 год н.э., т.е. тот период, когда и откуда началось формирование китайской цивилизации, традиционное мировоззрение китайцев, их письменность, структура управления государством, сельское хозяйство, промышленность, военная тактика и дипломатия; 2) осветить тот же исторический период на территории обитания кочевников, показать особенности их мировоззрения, письменности, структуры управления государством, хозяйства, промышленности, военной тактики и дипломатии; 3) ответить на вопрос, как и почему случилось так, что Китайская империя в начале I века до н.э., после навязанной ею жестокой войны северным номадам, во время которой хунну победили, признала империю кочевников хунну «равной империи ханьцев», а хуннусцы после победы устроили междоусобную войну, развалили свою державу, затем потерпели поражение от китайцев и рассеялись по территории Великой степи; 4) также ответить на вопрос, почему далее Китай в течение 3,5 тысяч лет расширял свою территорию за счет соседних народов и к XXI веку пришел как ведущая держава мира, а кочевники, за это же время создавшие десятки империй и государств, распались, изменили свое мировоззрение, стали мусульманами, христианами, буддистами, иудеями и т.д., часто меняли свои алфа-

виты и, в конечном итоге, в XXI веке «пришли в плачевное состояние» (стр. 4).

Такая грандиозная задача кажется непосильной для одного исследователя, но Р. Н. Безертинов, работы которого отличаются новизной и, вместе с тем, широтой подхода, делающего особый акцент на социально-культурных, религиозных и этнопсихологических аспектах проблемы, все же сумел (разумеется, только в первом приближении и с известной долей схематичности, неизбежной в такого рода исследованиях глобального характера) ответить на многие ключевые вопросы, связанные с цивилизационно-культурной и геополитической оппозицией «Китай – варвары». Так, он вполне приемлемо с точки зрения Евразийской цивилизационной геополитики, объясняет причины разделения и одновременно – «взаимодополнительности» двух внешне несовместимых цивилизационных культур, которые изначально отличались, прежде всего, климатически-географическими особенностями местоположения и формирования.

Рассматривая эти особенности, Р. Н. Безертинов отмечает, что «сама природа» разделила эту часть Азии на две части – теплую, влажную и изобильную с многочисленным оседлым населением Китай, и холодную, сухую, пустынную, с редким кочевым населением (стр. 5). В то же время автор отнюдь не ограничивается констатацией роли географического фактора, выявляя значение других, как хозяйственно-культурных, так и культурно-религиозных факторов, делая при этом довольно парадоксальный вывод о роли тюрко-монгольского («тюрко-татарского» и «татаро-монгольского») тэнгрианства как «сугубо кочевниче-

ской», по мнению многих современных номадологов, евразийской религии в формировании обеих цивилизаций: древнейшие предки современных китайцев (ханьцев) тоже были классическими тэнгрианскими центрально-азиатскими номадами, одним из главных государственных культов которых был культ Неба-Тянь (здесь речь идет о династиях Инь-Шан и Чжоу, пришедших на китайскую равнину, как известно, с Запада).

Поэтому, выявляя предпосылки формирования древнекитайской государственности, впоследствии приведшей к возникновению огромной империи, вступившей в конфликт с северными «варварами» — кочевниками-хунну, создавшими свою собственную тэнгрианскую империю («тэнрикутство»), автор справедливо утверждает, что чисто религиозных (или иных духовно-культурных) причин для столь глобального противостояния и столкновения цивилизаций не было и не могло быть, поскольку кроме тэнгрианских культов Неба, Земли, Священных Гор древних китайцев и предков тюрко-монголов, называемых в китайской историографии «татарами», объединяло многое, в том числе культ предков, сыгравший исключительно важную роль в становлении обеих цивилизаций.

Причины для последующей «войны цивилизаций» носили скорее идеологический, цивилизационно-геополитический и этнополитический характер, в чем мы полностью солидаризируемся с автором (подробнее см., напр.: Абаев, 2006). По крайней мере, мы должны согласиться с главным выводом проведенного Р. Н. Безертиновым исследования, что первоначально оппозиция «Китай — кочевой мир» носила не столь уж радикально диспа-

ратный характер, но великодержавно-шовинистическая, империалистическая политика китайской элиты, рассматривающей свою страну как центр Вселенной, а все окружающие народы как «диких варваров», степень «дикости» которых определялась готовностью принять (или не принять) официальное конфуцианство, неизбежно вела к вооруженным конфликтам. Тем более, что сами номады, наоборот, считали себя «народом Солнца» (т.е. «хунну»), «детьми Небесного Бога Тэнгри», «степными рыцарями без страха и упрека», бесстрашными героями и «богатырями» и т.д.

Рассматривая военно-политические и дипломатические аспекты проблемы «Китай – варвары», автор отмечает, что в Северо-Восточной Азии, во 2 веке до н. э., имелись уже две централизованные империи – империя Хань (китайская) и империя Хунну («татарская»). В 176 году до н.э. китайский император Вэнь-ди послал письмо правителю хунну *тэнрикуту* (кит. чэнлигугу – «Небесный Бог», «Сын Неба») **Богатуру** (тув. Маадыр – «Божественный Герой»), где он официально признавал Хуннускую («древне-татарскую») державу «равной» китайской империи Хань, а *тэнрикута* назвал «братом». Для хунну это было большим достижением. До сих пор ни один вождь кочевых племен не мечтал сравниться с ханьским императором. Для того чтобы была мощная держава, которая могла противостоять или быть равноправной Китаю, были нужны, по меньшей мере, три обязательных условия. Необходимо было самодостаточное и обеспечивающее себя хозяйство. Второе – сильная армия. И

третье — объединяющая всех жителей державы общая национальная идея, т.е. единое мировоззрение или религия.

Все это было у Хуннусской державы. Эти две равные империи, жившие согласно договора о «мире и родстве», в то же время на протяжении трехсот лет непрерывно воевали между собой. За 300 лет существования договора о «мире и родстве» китайцы измотали в конечном итоге хунну. Существующий договор о «мире и родстве» с китайцами большей частью работал в пользу владык Поднебесной. Выдавая в жены своих принцесс за тэнрикутов, китайский царствующий дом по рукам и ногам связывал действия хуннусских правителей.

Возникает вопрос, почему Китай в этой бесконечной борьбе устоял, а кочевая империя тэнрикутов рухнула? Исследовав далее этот вопрос в докладе, представленном на Международную конференцию по изучению Тэнгри (Кызыл, 1-5 июля 2011 г.), Р. Н. Безертинов пришел к выводу, что китайцы победили не силой своего оружия и превосходящим числом в живой силе, а исключительно за счет умело проводимой стратегии, политики и дипломатии. А этого не имели «кочевники татарской расы». И в этом тоже большую роль сыграла неспособность кочевников мыслить стратегически.

Основная китайская тактика и политика состояла в том, чтобы вести подрывную работу среди «татарских» (тюркских и монгольских) народов. Китайские политики считали, что хунну состоят из множества племен. Племена эти по природе своей весьма доверчивы, простодушны, действуют без расчета на далекое будущее, а посему их легко поссорить. Китайцы тщатель-

но собирали и записывали сведения об этих племенах. Они хотели иметь точную информацию об их нравах, военной силе, рельефе местности, правителях, влиятельных лицах и т. д. На основе полученных сведений строилась китайская дипломатия по принципу «обуздать варваров руками варваров».

Одним из дипломатических приемов стало разложение правящей верхушки кочевых племен путем разжигания у них наиболее низменных человеческих инстинктов. Именно об этом характерном для китайской дипломатии методе, применявшемся в отношениях с хунну и другими кочевниками, были сделаны исторические записи в китайском трактате «Ханьфэйцзы».

Но это, по мнению автора, была нормальная политика любого государства, стремящего ослабить противника. Вопрос состоит в другом, как на это реагируют сторона, против которой ведется информационная война. Ведь методы информационной войны известны издревле, поэтому должны быть и адекватные методы защиты от неё. Но в Хуннусской державе с этим было плохо. Проблема была не в недостатке средств или плохом качестве разведки. Скорее всего, причина заключалась в самом мировосприятии, менталитете и мышлении хунну. Психология древних татар и китайцев была противоположной. Китайцы, как считает Р. Н. Безертинов, любят копаться в сложно переплетенных и запутанных тонкостях жизни, а татары постоянно выбирают ясную, четкую, без разнообразных деталей линию поведения, отбрасывая все наносное. Поэтому в открытой войне в Степи предки монголо-татаров побеждали, а в дипломатической и информационной войне — проигрывали.

Главное, что отличает номадов от китайцев, как считает автор, это особенности менталитета, стиля мышления. Речь идет о правящей элите и интеллигенции. Большая часть китайской элиты имеет стратегическое мышление. Поэтому они свою государственную политику строят на стратегии будущего. Это касается экономики, промышленности, финансов, военной деятельности, идеологии, внешней и внутренней политики и т.д. Китайцы ни одно важное решение не принимали, не опираясь на историческое прошлое. Благодаря стратегическому мышлению китайцы создавали структуры власти так, что устои государства, китайской цивилизации не мог поколебать даже самый большой самодур из правящей династии. Даже в самые смутные времена, когда страна разваливалась, благодаря древней культуре и цивилизации, а также имеющейся структуре управления государством, через определенное время Китай вновь возрождался. И все из-за того, что китайцы никогда не отказывались от своего мировоззрения, иероглифической письменности и национальных традиций.

Вся история показывает, что татаро-монголы, как утверждает автор, оказались менее дальновидны, жили одним днем. Китайцы бежали к татарам и говорили: «Они весело живут». У основной массы интеллектуальных татар отсутствует стратегическое мышление. Татары построили десятки империй и ханств, но система государства строилась не на стратегии будущего, а из тактических соображений. И все эти империи и ханства, сами были «развалинами». Их не интересовала история. Из истории они не делали выводы. Вот почему татары не писали лето-

писей и не старались сохранить ее потомкам. По этой причине так легко меняли и меняют алфавиты, ведь при смене алфавита потомки не могут прочесть историю предков.

Этот стиль мышления не изменился и спустя две тысячи лет, и существует поныне. Татары и сегодня не интересуются своей историей. Пока у власти талантливый вождь, он собирает вокруг себя стратегически мыслящих людей, да и жизнь народа относительно справедлива, с перспективой на будущее. Но стоит вождю умереть, и если к власти приходит некомпетентный человек, то его быстро начинают окружать интриганы и казнокрады, и империя или государство быстро гибнет. У татар сильно развито тактическое мышление. Из-за тактических выгод меняли свою религию. Конечно, в тот период правящая элита в чем-то выигрывала, но в последующем это заканчивалось потерей государственности и порабощением. А если и рождались люди со стратегическим государственным мышлением, то руководители-тактики (живущие одним днем) притесняли и не допускали их до властных структур. А если кто и попадал во власть, то слушать их речи и мысли тактически мыслящие люди в правительстве не могли, это было и не интересно, и интриганы во власти всегда их выживали. Вот почему, если татары китайцев в тактической войне выигрывали, то с течением времени, китайцы брали реванш и отыгрывались. Татары в стратегическом плане проигрывали и другим народам, например, персам, арабам, евреям, европейцам, считает Р. Н. Безертинов.

При этом автор обосновывает свои размышления о татарском (тюркском) народе словами преемника Билге-кагана, его

сына Йоллыг-тегина, который был талантливым писателем, мыслителем и историком. На обелиске (735 г.) тюрко-татарскими рунами Йоллыг-тегин объясняет причину мятежей и восстания тюркских племен по отношению к собственному государству. Китайской имперской дипломатии удалось привлечь к союзу против каганата беков тюркских племен — басмалов, киданей и татабов. По поводу обычной китайской дипломатии по принципу «обуздать варваров руками варваров» Йоллыг-тегин высказался так: «народ, желающий сохранить свою индивидуальность, не должен превращаться в карателя, сколько бы за это ни платили». Таких «сподвижников» хозяин дальше передней не пускает, и ни золотом, ни шелком им не прикрыть своей подчиненности. Он констатирует, что беки «склонны впасть в ошибку, то есть к измене», а народ неразумен. «Тюркский народ..., когда ты тощ и голоден, ты не понимаешь причин состояния сытности, и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода».

По мнению Р. Н. Безертинова, есть у татар еще одна черта, которая мешает им возвыситься. В татарском характере преобладает честолюбие, параметры которого — самомнение, хвастливость, зависть. Постепенно у некоторых татар из-за мании величия, хвастливость переходит в стадию болезни. Зависть приносит много бед татарам. Из-за завистливого характера татары зажимают талантливых соплеменников, а это приводит к тому, что никчемные люди приходят к власти и тогда у основной массы жизнь становится унижительной. Из-за зависти татарские племена ведут между собой соперничество, интриги, которые в

древние и в средние века выливались в кровопролитные войны, и это не давало им объединяться.

Конечно, с нашей точки зрения, в наблюдениях и выводах автора есть некоторые преувеличения, его суждения иногда носят слишком острый характер. Например, нельзя сказать, что у татаро-монголов Чингис-Хана не было стратегического мышления. Именно благодаря хорошей стратегии, по многим параметрам превосходившей китайскую, Великий монгол и создал свою империю, которая просуществовала, не так уж и мало времени, особенно если учесть, что отдельные ханства, входившие в Золотую Орду, потеряли независимость только к XVII-XVIII вв. Можно возразить, что стратегически мыслила не основная масса «кочевников», а их наиболее талантливые предводители, которые не всегда умели оставить достойных преемников. С философской точки зрения можно также говорить об отсутствии у кочевников пресловутой китайской «стратагемности», сформированной диалектикой «Книги Перемен» (И-цзин), которая одновременно использовалась и в военном искусстве, и в прогностических целях, т.е. как «гадательная» система, и для психодиагностики, и вообще — во многих сферах практической деятельности как своеобразное средство медитации. Но последние исследования отечественных нomaдологов показывают, что в тэнгрианско-шаманской психотехнике и в Северном буддизме махаяны в традиции школы Гелугпа были разработаны еще более эффективные методы психодиагностики и прогностики, основанные на сугубо кочевнических традициях астрологии и ка-

лендарных систем (впрочем, это уже особый вопрос, требующих более специального рассмотрения).

Что касается проблемы отбора талантливых управленческих кадров, то она является общей для всех цивилизационных культур. Другое дело, что в традиционном Китае благодаря конфуцианству, которое было скорее социально-философским и этическим учением, «наукой управления», а не религией, хотя оно действительно признавало регулирующую роль Неба, как и тюрко-монгольское тэнгрианство, проблема отбора кадров и их вертикальной мобильности посредством экзаменационной системы решалась более эффективно, чем кочевническая система меритократии и «военной демократии».

Конфуцианскую цивилизацию (здесь мы опускаем вопрос о традиционно-китайской системе синкретизма «трех учений» — конфуцианства, буддизма и даосизма, которая реально существовала в средневековом Китае наряду с явным доминированием неоконфуцианства в сфере политики, официальной идеологии и семейно-бытовой обрядности) нельзя сравнивать с кочевнической тэнгрианско-буддийской цивилизацией, сложившейся после внедрения в Центральной Азии Северного тибето-монгольского буддизма махаяны еще и потому, что кочевничеству как социально-культурному феномену вообще был характерен более высокий уровень самоорганизации, чем в традиционном китайском обществе, более склонном к тоталитаризму и засилью чиновничьей бюрократии. Буддизм же усилил в кочевническом обществе тенденции к саморегуляции и социальной самоорганизации, которые в традиционном Китае могли проявляться

в полной мере лишь в оппозиционных официальной конфуцианской идеологии субкультурах и тайных религиозных обществах буддийского, даосского, манихейского и неисторианского происхождения.

Таким образом, с точки зрения ортодоксальной синологии, некоторые из высказанных Р. Н. Безертиновым замечаний могут быть оспорены, однако, как нам кажется, автор старался логически и фактологически обосновывать свои утверждения, и в любом случае его работы носят новаторский характер и дают много поводов для дальнейших творческих дискуссий.

В целом же следует согласиться с основным выводом автора о самодостаточности и, вместе с тем, взаимодополнительности двух величайших цивилизаций восточной части Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Абаев, Н. В. (2006) Цивилизационная геополитика тюрко-монгольских народов. КЫЗЫЛ.